

КРИЗИС В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ – ПРИРОДА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

© 2019 г. А.Д. Некипелов

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nekipelovaleksandr@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.08.2018 г.

Появление в последние десятилетия наряду с основным течением экономической теории – мейнстримом – многочисленных альтернативных подходов к решению ключевых экономических проблем рассматривается в статье как свидетельство её кризиса. К числу главных недостатков неоклассической экономической теории автор относит институциональную статичность, а также методологическую разнородность двух составляющих её разделов – микро- и макроэкономики. Преодоление кризиса экономической науки связывается с построением общей экономической теории на принципах «чистой науки», с чётким осознанием функций различных социально-экономических дисциплин. Если «чистая экономическая теория» призвана сформировать своего рода интеллектуальный макет экономической системы, то «реалистические науки», в ряду которых в статье рассматривается и современная макроэкономика, являются инструментами анализа конкретных социально-экономических явлений и процессов. Имея в виду, что в обществе действуют наделённые сознанием и интересами люди, автор постулирует существование некоей зоны неопределённости, полностью охватить которую не представляется возможным.

Ключевые слова: экономическая теория, мейнстрим, микро- и макроэкономика, гетеродоксия, экономические модели, зона неопределённости.

DOI: 10.7868/S0869587300000-00

Экономическая теория как самостоятельная наука существует уже более четырёх столетий¹. Особенностью последних десятилетий стало появление и весьма интенсивное развитие многочисленных альтернативных по отношению к основному течению экономической мысли подходов к трактовке ключевых экономических вопросов. Возникший методологический разнобой и потеря целостности экономического мировоззрения справедливо рассматриваются многими учёными как свидетельства кризиса, охватившего нашу науку.

Такое положение дел отражает неудовлетворённость заметной части экономического сообщества, а также многочисленных экономистов-практиков способностью её основного течения, так называемого мейнстрима, адекватно отражать закономерности функционирования современной хозяйственной системы и служить основой для принятия эффективных решений. Причины недовольства мы должны искать в особенностях этого остающегося и сейчас основным направлением экономической мысли.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕЙНСТРИМА

В современной трактовке общая экономическая теория состоит из двух основных разделов. *Микроэкономика* с позиций частичного анализа исследует поведение индивидуальных и групповых потре-

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич – академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Почти 300 лет общая экономическая теория носила имя политической экономии, которое ей дал А. де Монкретьен в 1615 г. С конца XIX – начала XX в. общая экономическая теория с подачи А. Маршалла стала именоваться «экономикс».

бителей и производителей, формирование спроса и предложения на отраслевых рынках, а в рамках общего анализа изучает всю сеть взаимосвязей, формирующихся в экономике между её многочисленными акторами. В свою очередь, *макроэкономика* имеет дело с укрупнёнными экономическими субъектами – совокупностями домашних хозяйств и фирм, государством и остальным миром. В центре её внимания находятся агрегированные показатели хозяйственной деятельности: уровень цен и его динамика, общие занятость и выпуск, совокупные величины потребления, сбережений и инвестиций, государственных расходов и доходов, экспорта и импорта.

Первый из этих двух разделов мейнстрима опирается на труд многих поколений учёных, впервые получивший более или менее целостное представление в 1890 г. в знаменитом произведении А. Маршалла «Принципы экономической науки». Как следует из названия этого произведения, самого понятия «микроэкономика» в тот период не существовало: предмет всей экономической науки отождествлялся с предметом современной микроэкономики.

Микроэкономика относится к разряду эмпирических наук, что, по мнению ряда исследователей, ставит её в один ряд с такими естественно-научными дисциплинами, как физика. Эта характеристика призвана оттенить тот факт, что задача микроэкономической теории – объяснение явлений и процессов, наблюдающихся в реальной экономике. Решение этой задачи связывается с разработкой набора моделей, позволяющих описать функционирование как отдельных частей экономической системы, так и системы в целом. Каждая из моделей начинается с формулирования некоторых гипотез (аксиом), реалистичность которых не может быть установлена на основе простого сопоставления с фактами. Отталкиваясь от этих гипотез, исследователь получает возможность, применяя дедуктивный метод, логически (математически) получить выводы в отношении зависимостей, существующих между отдельными параметрами, которые выступают на поверхности экономической жизни и потому поддаются экспериментальной проверке. До тех пор пока выводы из принятых гипотез не противоречат наблюдаемым фактам, сами эти гипотезы признаются достоверными. В то же время этот подход не исключает возможности того, что рано или поздно могут быть получены сведения о реальной экономике, которые противоречат исходным посылкам. Неслучайно данный метод исследования получил название «метод опровержимых гипотез».

Рассмотрим особенности применения этого метода на примере *модели потребительского выбора*. Параметрами такой модели являются

денежный доход потребителя и рыночные цены на потребительские блага. Задача состоит в том, чтобы выявить функциональные зависимости между значениями этих параметров и спросом на отдельные потребительские блага. Строгое решение этой задачи стало возможным благодаря введению В. Парето следующих гипотез в отношении индивидуальных предпочтений – их асимметричности и отрицательной транзитивности, непрерывности, локальной ненасыщаемости и выпуклости. В общем и целом выводы, полученные при помощи модели потребительского выбора, подтверждаются наблюдаемыми на практике изменениями доходов и цен, с одной стороны, и спроса на потребительские блага – с другой. Соответственно, упомянутые аксиомы в отношении особенностей человеческих предпочтений могут считаться достоверными.

В то же время концентрация внимания на анализе функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности экономической жизни, и связанное с этим отношение к экономической теории как эмпирической, описательной науке создают серьёзные проблемы методологического характера. Оказывается, что при таком подходе исследователь неизбежно попадает в круги тавтологических рассуждений, когда ему приходится объяснять одни неизвестные явления через другие, тоже неизвестные. В самом деле, изложение микроэкономической теории обычно начинается с упомянутой выше модели потребительского выбора. Однако формулировка этой модели опирается на такие понятия, как цены и денежные доходы, о происхождении и природе которых ранее не было сказано ни слова. Та же история повторяется при переходе к модели, описывающей поведение фирмы. Здесь задача состоит в нахождении масштаба выпуска, максимизирующего экономическую прибыль. Вновь приходится определять издержки через невыведенные цены, то есть впадать в очевидную тавтологию. Понятие альтернативных издержек применённого капитала, используемое для решения задачи, в свою очередь, «контрабандным» образом вводит в анализ процентную ставку, о которой к этому моменту ещё ничего неизвестно.

Классическая микроэкономика строго придерживается принципа, исключающего возможность межличностного сопоставления уровней благосостояния. Отчасти это связано с тем, что денежный доход не является универсальным измерителем индивидуальной полезности, ведь благосостояние человека связано не только со степенью удовлетворения его собственных потребительских нужд. Кроме того, вкусы людей сугубо индивидуальны, и потому нет никаких оснований утверждать, что один и тот же уровень

дохода обеспечит одинаковый «уровень счастья» двум разным людям.

Важнейший принцип, на который опирается современная микроэкономическая теория, – принцип *методологического индивидуализма*. Он означает, что поведение различных групп людей – от домашнего хозяйства до мирового сообщества – определяется в конечном счёте предпочтениями членов соответствующих групп. Иными словами, отвергается так называемый холистский подход, предполагающий наличие у социальных групп собственных систем предпочтений, не являющихся производными от предпочтений входящих в их состав индивидов.

Принцип методологического индивидуализма сам по себе не исключает того, что индивидуальные функции полезности членов группы могут включать в качестве независимых переменных не только количество потребляемых ими благ и услуг, но и уровень благополучия других членов группы. Иными словами, этот принцип не накладывает запрета на существование «альтруистической компоненты» у функций индивидуального благосостояния. В то же время следует подчеркнуть, что традиционно любимым персонажем микроэкономики является «экономический человек» А. Смита. Как известно, состояние окружающего мира (к примеру, дифференциация доходов членов общества, уровень бедности и т. п.) никак не влияет на уровень благосостояния такого индивидуума; по А. Смиту, имеет значение исключительно количество доступных для него потребительских благ и услуг.

Указывая на производность социальных явлений от индивидуальных устремлений членов соответствующих групп, мейнстрим не предполагает однозначного ответа на вопрос о том, каким конкретно образом индивидуальные предпочтения людей трансформируются в коллективные решения. Знаменитая «теорема о возможности» К. Эрроу приводит к удивительному выводу. При ряде предположений в отношении характеристик групповых решений – весьма логичных с общих позиций мейнстрима – не может существовать не основанное на диктате правило социального выбора, обеспечивающее переход от индивидуальных предпочтений членов группы к предпочтениям группы в целом [1]. Отказ от представлявшегося ранее почти очевидным тезиса о наличии у социальных групп собственных систем предпочтений имеет далеко идущие последствия для всей экономической теории. В микроэкономике он фактически закладывает бомбу под важнейшую для неё теорию спроса. Последняя, как известно, строится на предположении, что спрос исходит от индивидуальных потребителей, обладающих собственными систе-

мами предпочтений. Но ведь на потребительском рынке в качестве покупателей значительно чаще выступают домашние хозяйства², представляющие собой одну из важнейших социальных групп.

Внимания заслуживает вопрос о том, как отражаются в микроэкономической теории вопросы *динамики* (развития) *экономической системы*. Вообще говоря, выдвигание на передний план анализа наблюдающихся на поверхности функциональных зависимостей привело к тому, что особую роль здесь приобрёл метод сравнительной статики. Благодаря последнему удаётся выяснить направление мгновенного изменения зависимой переменной (например, количества блага, на которое предъявляется спрос) при бесконечно малом приращении одного из аргументов (цены блага или дохода потребителя) исследуемой функции. Полученные на основе применения этого метода результаты, конечно, имеют некоторое отношение к характеристике изменений экономических показателей, но они не позволяют описать состояния исследуемого объекта в разные моменты времени.

В концептуальном плане микроэкономическая теория позволяет решать весь комплекс вопросов, связанных с изменениями во времени индикаторов выпуска и потребления как в рамках отдельных сегментов, так и экономической системы в целом. Ключевым параметром, влияющим на экономическую динамику в рыночной экономике, является процентная ставка. Её уровень играет определяющую роль в разделении потребительского дохода на сберегаемую и расходную части, оказывает непосредственное влияние на величину средств, которые производители готовы инвестировать в расширение выпуска.

В то же время современная микроэкономика практически не приспособлена к объяснению изменений в формах организации экономической жизни. Фактически предметом её анализа является застывшая хозяйственная система, в рамках которой функции производителя выполняют капиталистические фирмы. Отказ от рассмотре-

² В работе [2, p.10,11] проводится мысль, что рассмотрение домашнего хозяйства как покупателя потребительских благ – это известное упрощение. На деле имеет место взаимодействие членов домашнего хозяйства, каждый из которых обладает собственными вкусами, а иногда и ресурсами, и такое взаимодействие приводит к формированию совместных решений. Но этот аргумент мало что даёт по существу рассматриваемого вопроса; ведь если результатом взаимодействия не является формирование самостоятельных предпочтений домашнего хозяйства, то модель спроса, построенная для ситуации, когда его источником является индивидуальный потребитель, не может быть распространена на случай, когда этот спрос является следствием взаимодействия ряда лиц.

ния экономических реалий в динамике делает микроэкономическую теорию в её нынешнем виде практически неприменимой к анализу иных в институциональном отношении хозяйственных систем. И, что ещё важнее, он исключает восприятие рыночной экономики как развивающейся системы.

В течение многих десятилетий экономическая теория исходила из незыблемости так называемого закона Сэя. В соответствии с ним благодаря гибкости цен равновесие спроса и предложения должно неизменно наблюдаться на всех товарных и факторных рынках. Великая депрессия 1929–1933 гг. продемонстрировала очевидный и долговременный сбой в работе механизма балансирования спроса и предложения на рынке труда: в США и других развитых странах с рыночной экономикой сформировалась огромная армия трудоспособного населения, которая не могла устроиться на работу при сложившемся на рынке уровне заработной платы. Связанная с массовой безработицей острота социально-политической ситуации вывела на передний план агрегированные показатели экономического развития³, причём они очень быстро превратились в самостоятельный предмет исследований, оторванный от лежащих в их основе показателей на уровне отдельных потребителей и производителей (индивидуумов, фирм и отраслей). Традиционный, детализированный по отдельным экономическим агентам и сферам (векторный) взгляд стал рассматриваться как прерогатива микроэкономического раздела экономической теории, тогда как укрупнённое восприятие экономики, основанное на замене векторного представления скалярным, — как особенность её макроэкономического раздела⁴.

Обстоятельства зарождения макроэкономики стали причиной того, что на первом этапе своего развития она была ориентирована почти исключительно на выработку рецептов для текущей экономической политики, направленных на преодоление дефицита совокупного спроса. Постепенно

³ По свидетельству Д. Катцнера, «всё время существовало ощущение, что с учётом возможностей агрегирования целое должно каким-то образом равняться «сумме» своих частей» [3, p. 380].

⁴ История возникновения макроэкономики своеобразным образом подтверждает сформулированный выше тезис о статичности мейнстрима. Возникновение массовой безработицы в период Великой депрессии означало не ошибочность закона Сэя как такового, а его несоответствие новым институциональным условиям, сформировавшимся к этому времени на рынке труда. Отчётливо проявившаяся «негибкость заработной платы вниз» стала результатом появления профсоюзов и института долгосрочного найма.

с учётом результатов применения мер по стимулированию спроса усилилось внимание к вопросам их влияния — не только краткосрочного, но и долгосрочного — на динамику цен и финансовую стабильность. Наконец, предметом исследования стал долгосрочный экономический рост, проявляющийся в динамике показателя, призванного отражать общий уровень производства (в целом или на душу населения). Обычно в качестве такого показателя используется валовый внутренний продукт.

Макроэкономика, несомненно, обладает чертами, характерными для общей теории. Такие логические конструкции, как модель «кейнсианского креста», модель $IS - LM$ (модель равновесия на товарном и денежном рынках), модель макроэкономического спроса, строятся на базе выдвижения определённых гипотез и метода дедукции. То же можно сказать и о моделировании экономического роста. Принципиально важно, однако, иметь в виду, что микро- и макроэкономика опираются на различную аксиоматику и в этом смысле плохо стыкуются друг с другом.

Микроэкономическая теория основывается на гипотезе о наличии у каждого экономического агента целевой функции, к максимизации которой он стремится. К примеру, функция индивидуального спроса выводится из стремления потребителя обеспечить наивысший уровень собственного благосостояния. К укрупнённым экономическим агентам принцип «максимизирующего поведения» в полной мере не применим. Поэтому в кейнсианской концепции совокупного спроса принципиальным оказывается допущение о разделении всех видов расходов на функционально зависимые и независимые (автономные) от уровня общего дохода. Ключевой характеристикой неавтономных потребительских расходов становится предельная норма потребления, которая рассматривается как экзогенный фактор модели совокупного спроса. Между тем с позиций микроэкономики пропорции распада дохода каждого потребителя (а на этой основе и их общей совокупности) на текущие расходы и сбережения могут быть получены из модели потребительского выбора в её трансвременной постановке. Следует также обратить внимание на то, что в большинстве макроэкономических моделей независимыми переменными являются лежащие на поверхности, а потому поддающиеся непосредственной верификации экономические характеристики. Наконец, макроэкономика оперирует некоторыми показателями, которые просто не имеют смысла с позиций микроэкономической теории.

Пример такого рода даёт *агрегированная производственная функция*. Её математическая конструкция по форме аналогична классической

производственной функции: общий выпуск ставится в зависимость от имеющихся факторов производства – физического капитала, труда и технологических знаний. Проблема заключается в том, что макроэкономике приходится иметь дело с общественным производством, результатом которого является создание многих благ. В этих условиях, не говоря уже об обычной производственной функции, невозможно построить её векторную разновидность, то есть поставить в соответствие каждому из множества наборов производственных ресурсов один вектор выпускаемой продукции. Ведь из любого набора факторов производства на уровне общества можно получить множество векторов произведённой продукции, но выбрать из них какой-то один «наибольший» нет никакой возможности. Проблема решается заменой двух векторов – конечного продукта и физического капитала – их стоимостными величинами. Уход от натуральных показателей к стоимостным, легко поддающимся агрегированию, является типичным для макроэкономики. Но он сопряжён с двумя серьёзными проблемами. Первая из них имеет технический характер и связана с чисто математическими особенностями таких показателей. Вторая относится к числу содержательных, так как уходит корнями в методологию экономической науки.

К чисто техническим относится так называемая проблема индексных чисел. Агрегированная стоимостная величина, характеризующая производство или потребление различных видов продукции, представляет собой скалярное произведение вектора цен и вектора, компонентами которого являются количества соответствующих благ. Такие величины несложно подсчитать применительно к любому периоду или любой стране. Однако их прямое сравнение между собой мало что даёт: ведь полученный индекс общего стоимостного объёма соответствующих благ отражает различия (между периодами или странами) в компонентах обоих векторов – цен и физических объёмов. На практике из этой ситуации выходят посредством фиксирования компонентов одного из векторов. В случае стремления определить изменение физического объёма общего выпуска (потребления) используются цены одного из периодов (одной из стран), а при определении изменения общего уровня цен – вектор физических количеств благ одного из периодов (одной из стран). Однако результат в обоих случаях будет зависеть от того, вектор цен или благ какого периода (какой страны) рассматривается в качестве неизменного. То есть оказывается, что такие макроэкономические показатели, как общая величина выпуска, общий уровень потребления, уровень цен не имеют однозначного определения⁵.

Содержательная проблема связана с трактовкой экономической сути агрегированных стоимостных показателей. Уже после Дж. М. Кейнса валовый внутренний продукт (в целом или на душу населения) явно или неявно стал рассматриваться в макроэкономике как интегральный показатель экономического прогресса с учётом того, что он отражает уровень как текущего, так и будущего потребления общества. Удовлетворению текущих потребностей людей служат произведённые потребительские блага, а накопление физического капитала и предметов труда создаёт предпосылки для роста производства, а следовательно, и потребления в будущем. Однако такой подход входит в явное противоречие, с одной стороны, с опорой микроэкономической теории на принцип методологического индивидуализма⁶ и со связанным с ним запретом на межличностные сопоставления полезностей, а с другой, с её общим подходом к проблеме социального выбора.

Величина валового внутреннего продукта за определённый период может, как известно, определяться тремя способами: как сумма конечных расходов, как сумма факторных доходов, полученных членами общества, и как стоимость

⁵ Любопытно, что основатель современной макроэкономической теории Дж. М. Кейнс хорошо понимал эту проблему, как следует из текста 4-й главы («Выбор единиц измерения») его классической работы «Общая теория занятости, процента и денег». «Совокупный объём производимых обществом товаров и услуг, – пишет он, – представляет собой разнородный комплекс, который, строго говоря, не может быть измерен, за исключением некоторых специальных случаев, когда, например, все элементы одного набора производимых товаров и услуг содержатся в той же пропорции в другом наборе товаров и услуг» [4, с. 68]. Дж. М. Кейнс также обращал внимание на то, что «хорошо известный, но неизбежный элемент нечёткости, заведомо содержащийся в понятии общего уровня цен, делает самый этот термин совершенно неудовлетворительным с точки зрения анализа причинно-следственных связей – анализа, который должен быть точным» [4, с. 69].

⁶ Интересно, что М. Блауг, как следует из приводимого ниже высказывания, полагал, что устранение противоречия между скалярной макроэкономической теорией и принципом методологического индивидуализма требует отказа от последнего: «Полезно иметь в виду... что означает для экономической теории строгого следование принципу методологического индивидуализма. В действительности этот принцип требует отказа от всех макроэкономических утверждений, которые не могут быть сведены к микроэкономическим... Это было бы равносильно тому, чтобы распрощаться почти со всеми выводами макроэкономики [this amounts to saying goodbye to almost the whole of received macroeconomics]. По всей видимости, что-то должно быть не так с методологическим принципом, если его последствия столь разрушительны» [5, p. 45, 46].

произведённой конечной продукции. Одна и та же величина этого показателя может иметь место при самом разном распределении доходов среди членов социума. Поэтому утверждение, что для общественного благосостояния значение имеет только общий уровень валового внутреннего продукта, равносильно признанию, что один рубль дохода любого члена общества равнозначен рублю дохода любого другого члена общества. Но принцип отказа от возможности сопоставления уровней благосостояния различных людей исключает такой вывод. Точно так же признание валового внутреннего продукта носителем общественного благосостояния предполагает существование функции социальной полезности, независимыми переменными которой являются элементы конечного продукта — потребительские блага, физический капитал и накопленный запас знаний. Но наличие у общества собственной функции полезности означало бы, что у него имеется и собственная система предпочтений, что противоречит уже упоминавшейся теореме о возможности К. Эрроу.

Таким образом, многочисленные аргументы ставят под сомнение правомерность рассмотрения векторной микроэкономики и скалярной макроэкономики в качестве двух разделов единой экономической теории. Данное обстоятельство не могло долго оставаться незамеченным. Уже в 1967 г. К. Эрроу характеризовал разрыв между микро- и макроэкономикой как «крупный скандал» [6]. В свою очередь, новая классическая макроэкономика сформировалась на базе идеи о необходимости подведения микроэкономических оснований — признания балансирующей роли рыночного механизма и максимизирующего поведения экономических агентов — под всю макроэкономическую теорию⁷. И сегодня «продвинутые» учебники по макроэкономике в обязательном порядке включают в себя модели, призванные обеспечить реализацию такого подхода [см., например, 8]. Во всех этих моделях делается попытка увязать агрегированные величины с решениями, принимаемыми на микроуровне. Как это происходит, можно проиллюстрировать на примере базовой с точки зрения попытки примирить макро- и микроэкономические подходы модели Рамсея—Касса—Купманса [8, с. 75—109].

Формально эта модель учитывает все существующие в экономике домашние хозяйства, каждое из которых нацелено на максимизацию собственной функции полезности. В качестве упрощающего допущения предполагается, что все домохозяйства являются полными «близнецами»

и в силу этого обладают одинаковыми функциями полезности. Несложно заметить, что только этому в высшей степени маловероятному случаю соответствует ситуация, при которой одна денежная единица дохода означает для каждого домохозяйства одинаковую полезность, а потому решение задачи максимизации общего дохода потребителей приводит к тому же результату, что и решение задачи максимизации уровня благосостояния каждого из них в отдельности. Иными словами, проведённое указанным способом дезагрегирование сектора домашних хозяйств оказывается в значительной степени фиктивным. Кроме того, в очевидном противоречии с принципом несоизмеримости уровней индивидуального благосостояния находится построение функции отдельного домохозяйства на основе агрегирования функций индивидуальных полезностей, присущих его членам. Правда, использование этого приёма трудно ставить в упрёк разработчикам модели, поскольку, как отмечалось выше, в современной микроэкономической теории отсутствует удовлетворительное решение проблемы формирования спроса домашних хозяйств.

Модель Рамсея—Касса—Купманса учитывает также существование в экономике многочисленных фирм, деятельность которых нацелена на максимизацию экономической прибыли. При этом, как и в случае с домашними хозяйствами, предполагается, что все эти фирмы являются «близнецами», в том смысле что они обладают одинаковой производственной функцией. Понятно, что при таких допущениях дезагрегирование сектора фирм является столь же мнимым, как и дезагрегирование сектора домашних хозяйств. Но нельзя, кроме того, не отметить, что допущение возможности наличия у фирм, действующих в разных отраслях, одинаковой производственной функции просто не имеет никакого смысла с точки зрения микроэкономической теории.

В других макроэкономических моделях (см., к примеру, модель Лукаса [8, гл. 6], претендующих на наличие микроэкономических оснований, активно используются понятия общего уровня цен и производные от них понятия реальных величин агрегированного выпуска, потребления, денежного предложения и т. п. Как отмечалось выше, ещё Дж. М. Кейнс понимал некорректность использования понятия «общий уровень цен» с позиций анализа причинно-следственных связей.

Приведённых аргументов вполне достаточно для следующего вывода. Усилия по подведению микроэкономических оснований под макроэкономические модели в лучшем случае позволяют лишь несколько снизить (а, лучше сказать, смазать), но никак не преодолеть методологический

⁷ См. основополагающую для формирования этого течения макроэкономической науки работу Р. Лукаса [7].

барьер, разделяющий микро- и макроэкономику. Этот вывод вряд ли должен вызывать удивление: если из макроэкономической науки полностью устранить агрегированные показатели, оторванные от лежащих в их основе векторов, то исчезнет сам её предмет. Экономическая наука в этом случае вновь оказалась бы в положении, в котором она находилась до появления макроэкономики.

Сравнительный анализ микро- и макроэкономики будет неполным, если не рассмотреть вопрос о характере связи каждой из них с экономической реальностью.

Макроэкономическая теория позволяет на основе принятых гипотез (аксиом) в отношении человеческих предпочтений и производственной деятельности выявить характер основных функциональных зависимостей, формирующихся в рыночной экономике. Однако она неприспособлена к определению фактических значений показателей, характеризующих состояние экономической системы и её динамику. И тому имеются, по крайней мере, три причины. Во-первых, усилия, связанные со сбором и обработкой информации, характеризующей все стороны этого сложнейшего объекта, превышают любые мыслимые границы. Во-вторых, ряд ключевых сведений – а именно тех, которые касаются используемых гипотез, – в принципе, не могут быть получены. Одно дело предполагать, что индивидуальные экономические агенты обладают функциями полезности с определёнными свойствами, а другое – получить точные характеристики этих функций для каждого из потребителей. Наконец, в-третьих, не последнюю роль играет отмечавшаяся выше неоднозначность поведения различных групп, действующих в рамках рыночной экономики. Такая неоднозначность, как мы видели, связана с тем, что люди, реагируя на сигналы окружающей среды, зачастую вносят изменения в правила функционирования соответствующих групп. Все эти обстоятельства неизбежно приводят к тому, что между результатами микроэкономической теории и функционированием реальной экономики лежит своеобразная *зона неопределённости*.

Макроэкономика, как уже говорилось, с самого начала была ориентирована на решение практических проблем. При этом общие макроэкономические модели, о которых речь шла выше, также не позволяют получить точные значения содержащихся в них показателей. Однако, в отличие от микроэкономической теории, эта проблема может быть, пусть и не идеально, решена при помощи дополнительных допущений. В одних случаях эти допущения касаются характера реакции экономических агентов на изменение макроэкономических параметров (к примеру, чувствительность величины инвестиций к измене-

ниям процентной ставки) и скорости достижения равновесия на товарных и финансовых рынках, в других – особенностей ожиданий в отношении будущего развития экономической ситуации. Соответствующие гипотезы принято формулировать, опираясь на анализ имеющегося опыта, и именно в силу этого эконометрические исследования стали неотъемлемой частью современной макроэкономики. Но проблема состоит в том, что нередко в различные периоды времени эконометрический анализ одних и тех же зависимостей даёт разные результаты⁸.

ГЕТЕРОДОКСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Неудовлетворённость мейнстримом приобрела в последние десятилетия столь внушительные масштабы, что учёных, подвергающих сомнению его базовые подходы и положения, стали характеризовать как представителей особого – гетеродоксального (то есть еретического или, выражаясь мягче, неортодоксального) – направления. Две основные причины лежат в основе такого развития событий.

Первая и, пожалуй, основная из них состоит в неспособности мейнстрима точно прогнозировать динамику экономических показателей и, соответственно, формулировать оптимальные меры экономической политики. Одним из самых ярких провалов в предсказании важных экономических событий стал грандиозный мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., по иронии судьбы разразившийся спустя несколько лет после того, как некоторые видные представители мейнстрима уверились в том, что знают, как не допустить очередного кризиса. В частности, в 2003 г. Р. Лукас в часто цитируемом сегодня президентском обращении к Американской экономической ассоциации заявил, что «центральная проблема предотвращения депрессий с практической точки зрения решена и фактически решена на многие десятилетия» [10]. В качестве характерного примера неэффективности многих рекомендаций, предлагавшихся от имени господствующей неоклассической теории, можно сослаться на так называемый Вашингтонский консенсус. Применение предусмотренных им мер по макроэкономической стабиль-

⁸ Данное обстоятельство – ключ к пониманию того, почему в самой макроэкономике сохраняются различные течения, очень по-разному трактующие её ключевые проблемы. В сущности, каждое из этих течений абсолютизирует один из частных случаев, находящихся в зоне неопределённости. Именно поэтому то одно, то другое из них входит в моду, но никогда не удаётся определить единственно верный подход. Иногда это становится основанием для острой критики макроэкономической теории вообще [9].

лизации в странах с «формирующейся рыночной экономикой» (emerging markets) в большинстве случаев привело к неприемлемому спаду, деградации производственной структуры и обвалу жизненного уровня населения.

Вторая причина связана с упоминавшейся выше статичностью современной экономической теории. Это обстоятельство весьма давно стало объектом критики со стороны представителей институционального течения в экономической науке. Они делают упор на то обстоятельство, что современная экономическая система в развитых странах очень серьёзно (по мнению некоторых — кардинально) отличается от модели совершенной рыночной экономики, являющейся излюбленным объектом исследования в неоклассике.

В качестве примера сошлюсь на хорошо известную ещё советскому читателю теорию нового индустриального общества Дж.К. Гэлбрейта, представленную им в работах [11,12]. Гэлбрейт не только связывал формирование так называемой корпоративной системы с техническим прогрессом, но и стремился выявить изменения в самой природе капитализма, сопровождающие этот процесс, в том числе замену классических рыночных механизмов планированием. Он отнюдь не отрицал, что организация хозяйства, удовлетворительно описываемая моделью совершенной конкуренции, была доминирующей в прошлом и продолжает существовать, хотя и на периферии современного общества. Однако Гэлбрейт считал свободный рынок «уходящей натурой».

Представители гетеродоксального направления подвергают сомнению оправданность самой попытки построить экономическую теорию по образу и подобию теоретических естественно-научных дисциплин, а именно на аксиоматической основе, с опорой на логические умозаключения и с широким применением математического аппарата. Ещё в 1998 г. академик В.М. Полтерович пришёл к выводу, что кризис экономической науки связан с невыполнимостью поставленной перед ней задачи стать точной наукой, подобной теоретической механике или химии [13]. Близка к этой точке зрения позиция польского профессора Г.В. Колодко, автора концепции нового прагматизма, который отмечает, что в системе наук экономическая теория занимает место между твёрдой, точной математикой и мягкой, абстрактной философией [14, р. 3].

Противники мейнстрима не принимают многие из используемых им аксиом. Сторонниками экспериментальной и поведенческой экономики, экономофизики признаются не соответствующими опыту гипотезы в отношении человеческого поведения, используемые неоклассикой [15, 16], отрицается правомерность постулата о рациональном поведении экономических агентов. Нередко ста-

вится под сомнение принцип методологического индивидуализма⁹.

В связи с этим внимание привлекается к тому факту, что в обществе действуют наделённые сознанием и обладающие собственными интересами агенты, чьи представления о действительности могут непосредственно влиять на неё: «Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться» [18, с. 103]. Одним из результатов такого положения дел является изменчивость хозяйственной среды, которая, как предполагается, приводит к быстрому устареванию любых претендующих на завершенность экономических моделей. Поэтому всё чаще упор делается не на формирование целостного представления об экономической системе, а на отбор технических приёмов, позволяющих анализировать конкретные ситуации. При этом подчёркивается недопустимость игнорирования неэкономических факторов хозяйственного развития, в особенности культурного и политического характера. Иными словами, стремление максимально приблизить экономическую науку к решению практических задач приводит к распространению точки зрения, в соответствии с которой эта наука должна впитывать в себя результаты различных отраслей знания, то есть по сути своей носить междисциплинарный, гетерогенный характер.

Происходящее на этой основе размывание собственного предмета экономической теории ведёт, в пределе, к полному отказу от неё. Неслучайно академик В.М. Полтерович выступил за замену самостоятельной экономической теории «общим социальным анализом». Предметом последнего призвано, по его мнению, стать функционирование и развитие общественных институтов в целом. Исследования в рамках новой интегральной науки должны опираться на единую базу данных, а общий аналитический аппарат — включать методы статистической обработки данных (эконометрики) и теории игр как абстрактной дисциплины, объясняющей формирование норм поведения [18, с. 109].

⁹ Многочисленные опыты в рамках экспериментальной психологии, пишет, к примеру, Ж. Сапир, свидетельствуют о том, что опыт прошлого влияет на поведение индивидуумов. «Иными словами, наши «индивидуальные» предпочтения таковыми не являются; на нас постоянно влияют, будь то прямо или косвенно, действия других индивидуумов. Но это тогда ведёт к реабилитации холизма» [17, р. 172].

ПОДХОД С ПОЗИЦИЙ «ЧИСТОЙ ТЕОРИИ»

Идеи об обречённости экономической теории как самостоятельной науки, её растворении в «общем социальном анализе» далеко не бесспорны. В пользу экономической теории имеются веские аргументы как практического, так и теоретического свойства. Первые связаны с тем, что за всё время существования с её помощью удалось выявить многие вполне реальные закономерности функционирования рыночного хозяйства, а также сформировать развитый категориальный аппарат, укоренившийся не только в науке, но и в обыденной жизни. Соображения теоретического характера позволяют понять, почему при полной свободе принятия решений независимыми друг от друга экономическими агентами, между которыми существует огромное количество разнообразных взаимозависимостей, рыночная экономика не идёт вразнос, а демонстрирует способность обеспечивать более или менее устойчивое развитие. Такое положение дел было бы невыносимым, если бы поведение экономических агентов не определялось, с одной стороны, их мотивацией, имеющей разумное объяснение¹⁰, а с другой – базовыми для существующей системы институтами. Именно эти особенности приводят к тому, что взаимодействие экономических агентов носит не сугубо спонтанный, броуновский, а поддающийся научной интерпретации игровой характер.

Но тогда кризис экономической теории должен рассматриваться не как свидетельство её принципиальной несостоятельности, а как преддверие обновления лежащей в её основе парадигмы. Это обновление означало бы восстановление способности теории давать целостное представление о функционировании и развитии её объекта. Иными словами, выход из кризиса означал бы преодоление описанного выше состояния, при котором на месте единой науки сформировался целый ряд научных дисциплин, каждая из которых на основе собственной методологии претендует на объяснение либо отдельных сторон, либо всей экономической жизни.

Новая парадигма должна не отбросить, а включить в себя в переработанном виде как наработ-

ки мейнстрима, так и его критиков. В процессе её формирования необходимо решить три основные задачи. Во-первых, обеспечить чистоту введения экономических категорий: недопущение определения одних понятий через другие понятия, которые сами ранее не были определены. Во-вторых, экономическая теория должна преодолеть статичность современной микроэкономики. В этом контексте задача обновлённой науки состоит в том, чтобы наряду с анализом функциональных зависимостей между различными параметрами современной рыночной системы давать характеристику её развития, выявлять механизмы, определяющие динамику форм организации экономической жизни. В-третьих, в новой трактовке нуждается проблема отношения экономической теории к хозяйственной практике. Для решения этой задачи предстоит во многом переосмыслить роль различных экономических и общественных наук как в исследовании конкретных социально-экономических ситуаций, так и в выработке инструментов воздействия на хозяйственные процессы в интересах общества.

Выполнение первой и второй задачи обеспечивается превращением современной микроэкономики из эмпирической в чистую науку¹¹. Последняя так же, как и первая, базируется на использовании аксиом и дедуктивном методе исследования. Различие же заключается в следующем. Как отмечалось выше, для эмпирической науки характерно изучение совокупности моделей, характеризующих отдельные части *современной экономической системы*, причём выводы, вытекающие из каждой модели, должны поддаваться практической верификации. В свою очередь «чистая» экономическая теория должна отталкиваться от *наиболее упрощённой модели* социально-экономического устройства, основанного на действующих базовых институтах (для рыночной экономики это индивидуальная свобода людей, право частной собственности на условия и результаты производственной деятельности, обязательность выполнения заключённых контрактов). Анализ этой модели предполагает применение дедуктивного метода при опоре на аксиоматически вводимые представления о характере человеческих

¹⁰ Именно поэтому гипотеза о рациональном поведении участников хозяйственной жизни принципиально важна для экономической теории. Это не значит, что, с этой точки зрения, экономическим агентам вообще чужды спонтанные, не поддающиеся разумной интерпретации решения. Однако предполагается, что такими действиями можно в лучшем случае объяснить лишь незначительные, причём временные, отклонения системы от закономерной траектории развития, определяемой рациональным поведением субъектов хозяйственной деятельности.

¹¹ В своё время известный философ Б. Рассел провёл различие между «чистыми» и «реалистическими» науками. К первой группе он отнёс формальную логику и математику, функция которых, в изложении А. Пигу, известного британского экономиста первой половины XX в., «выявление взаимообусловленностей». Во вторую группу были включены такие науки, как «физика, химия и биология, которые, – опять же пользуясь словами А. Пигу, – заняты анализом реальных фактов» [19, р. 5, 6].

предпочтений¹² и особенностях производственной деятельности. Это позволяет не только выявить важнейшие характеристики данной простой системы (в том числе функциональные зависимости между её различными параметрами), но и определить факторы, подталкивающие её к усложнению. Осуществляемое таким образом последовательное обогащение модели изучаемого объекта даёт возможность постепенно приближать представление о характере его функционирования к тому, который соответствует явлениям и процессам, наблюдаемым в современной экономике. Более того, при помощи этого метода в идеале можно прогнозировать направления дальнейшего развития соответствующей экономической системы и даже определять условия, при которых вероятным может стать изменение самих базовых институтов.

Идея построения экономической теории на основе движения от абстрактного к конкретному принадлежит К. Марксу¹³. Он же утверждал, что такое движение мысли при определённых условиях может воспроизводить историю развития экономической системы в освобождённом от случайностей виде¹⁴. В духе гегелевской диалектики Маркс рассматривал внутренние противоречия объекта исследования в качестве источника его развития. Неудивительно, что исходным пунктом исследования капиталистической экономики он считал категорию товара — носителя триады взаимосвязанных противоречий: между общественным и частным характером труда, абстрактным и конкретным трудом, потребительной стоимостью и стоимостью. При этом сам анализ товара он вёл на фоне так называемой модели простого товарного обращения — системы связанных разделением труда индивидуальных производителей, обменивающихся между собой продукцией, принадлежащей им на праве частной собственности.

¹² Следует подчеркнуть, что, с точки зрения «чистой» теории, критика сторонниками поведенческой экономики неоклассической аксиоматики в отношении индивидуальных предпочтений попросту некорректна. Никто не сомневается в том, что существуют случаи, когда, например, постулат монотонности индивидуальных предпочтений входит в противоречие с реальным поведением конкретного индивидуума. Но для «чистой» теории достоверность аксиом, на которые она опирается, определяется не отсутствием или наличием исключений, а тем, в какой мере полученное с их помощью представление о характере функционирования экономической системы соответствует явлениям и процессам, наблюдаемым в реальной жизни. К сожалению, результаты экспериментов в отношении характера индивидуальных предпочтений не дали и, по всей видимости, не могут дать однозначных результатов, на основе которых удалось бы построить целостное представление об экономической системе.

Исследование форм стоимости — простой, развёрнутой, денежной — проводилось Марксом в первом разделе «Капитала» [21] под углом зрения развёртывания в отношениях обмена противоречий товара. Появление категории капитала, знаменующее переход от простого товарного обращения к капиталистическому способу производства, по сути, выводится из имманентного деньгам противоречия — между их качественной безграничностью и количественной определённой. Правда, здесь превращение рабочей силы в товар рассматривается в качестве необходимого внешнего условия для полной реализации потенциала развития, заложенного в этом внутреннем противоречии денег.

При всём интеллектуальном изяществе построений, основанных на гегелевской диалектике, они не могут быть признаны в полной мере корректными. Здесь уместен пример из механики, который приводил Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Движение, — писал он, — само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нём. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение» [22]. Но ведь источник самого движения заключается не в этом противоречии, а в тех силах, которые действуют на физическое тело. Точно так же в логической конструкции К. Маркса противоречия товара *проявляются в обмене, а не являются его причиной*. Эти две ка-

¹³ «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» [20, с. 727].

¹⁴ «Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наёмного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчинённые отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [20, с. 727].

тегории вообще не находятся в причинно-следственном отношении — они взаимно предполагают существование друг друга.

Но где же тогда та сила, понимание действия которой позволяет исследователю отразить функционирование и развитие экономики в системе взаимосвязанных категорий? Такой силой, как представляется, может быть только стремление членов общества к росту благосостояния. Этот универсальный мотив помогает объяснить (с учётом принятых гипотез в отношении индивидуальных предпочтений и производственной деятельности) закономерности поведения изолированного индивида, обнаружить в модели «робинзонады»¹⁵ прообразы таких важнейших категорий рыночной экономики, как цена, доход, процентная ставка. Он же позволяет понять, почему встреча двух «робинзонов» неизбежно приведёт к установлению вначале случайного обмена, а затем и устойчивого разделения труда между ними. Результатом простого умножения числа взаимодействующих индивидуальных производителей становится формирование модели простого товарного обращения, с которой К. Маркс начинал свой анализ¹⁶. Наконец, появление денег и превращение на этой основе меновой экономики в денежную выступает как средство увеличения общественного благосостояния за счёт резкого снижения издержек, сопровождающих натуральный обмен.

До этого момента переход от одной ступеньки к другой в рамках движения от абстрактного к конкретному проявлялся в форме последова-

тельного усложнения форм организации экономической деятельности — от изолированного хозяйствования до простой денежной экономики. Иными словами, представляется, что единственной основой повышения эффективности производства и роста благосостояния экономических агентов здесь является совершенствование социальных технологий самих по себе. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот процесс связан не только с тем, что экономическим агентам каждый раз требуется время для осознания выгод, вытекающих из более совершенной социальной технологии, но и с наличием технологических предпосылок для распространения соответствующей формы организации хозяйственной деятельности. Например, обмену сопутствуют не только выгоды для его участников, но и затраты на доставку товара к месту сбыта и времени на осуществление самого обмена. Поэтому эффективным, причём первоначально в очень узких пространственных границах, он становится лишь на известном уровне развития производственных, транспортных и информационных технологий, когда величина выгод от обмена начинает превышать величину связанных с ним издержек.

Определяющая роль технологического прогресса как в развитии реальной экономики, так и в формировании её интеллектуального отражения в теории особенно ярко проявляется при качественных изменениях в экономической системе. Например, переход от простой денежной экономики к экономике капиталистической становится естественной необходимостью с появлением машинного производства и характерных для него технологий, предполагающих совместный труд многих людей¹⁷. Сопровождающие этот переход изменения в экономической системе (закрепление роли товаропроизводителя за капиталистической фирмой, возникновение рынка труда, появление сферы распределения и др.) становятся предметом анализа на этой новой ступеньке как исторического развития, так и движения теоретической мысли от абстрактного к конкретному.

Совершенствование технологий массового производства на определённом этапе приводит тому, что во многих сферах структура свободной конкуренции сменяется олигополистическими и монополистическими структурами. Это обстоятельство определяет новые и весьма существен-

¹⁵ Строго говоря, исходной при предлагаемом подходе [23, 24] является основанная на частной собственности абсолютно атомистичная модель общества, в рамках которой каждый его член ведёт изолированное (натуральное) хозяйство. Модель «робинзонады», с которой начинается и на которой заканчивается фактическое исследование этой хозяйственной системы, позволяет решить две задачи. С одной стороны, она даёт возможность описать особенности экономического поведения каждого члена такого общества, а через них понять основы человеческого поведения вообще. С другой стороны, анализ этой модели — необходимая предпосылка для выявления тех сил, которые приводят к разрушению натурального производства и формированию отношений обмена и общественного разделения труда.

¹⁶ Это обстоятельство, кстати говоря, помогает понять, почему выбор товара как исходный клеточки, с которой должен начинаться анализ рыночной экономики, не является в полной мере удачным. Среда простого товарного обращения, применительно к которой Маркс анализирует товар, предполагает существование общественного разделения труда. Следовательно, эта важнейшая категория вводится в анализ аксиоматическим образом, тогда как она вполне может быть выведена из него.

¹⁷ Известно, что капиталистическое по форме, основанное на кооперации многих наёмных работников мануфактурное производство зародилось на базе ручного труда. Однако — и это обстоятельство К. Маркс отразил в теории формального и реального подчинения труда капиталу — господствующей эта форма организации производства могла стать только на новом технологическом базисе.

ные модификации, которые претерпевает рыночная экономика. В марксистской экономической теории эта её стадия характеризуется как монополистический капитализм. Её существенные отличия от модели капитализма, основанного на совершенной конкуренции, признаются и многими представителями институционализма (см., например, упоминавшуюся выше концепцию корпоративной системы Дж.К. Гэлбрейта).

Уже очевидно, что революция в сфере информационных технологий вносит новые, очень серьёзные, хотя до конца ещё не осмысленные изменения в современную экономическую систему. Кардинальные трансформации обозначились в денежно-кредитной сфере. Появление криптовалют, удивительным образом на бестелесной основе имитирующих товарные деньги, ставит под сомнение будущее всей банковской системы, ведь формируемая благодаря криптовалюте платёжная система не нуждается в банках — как коммерческих, так и центральном. Поэтому в случае (впрочем, отнюдь не очевидном), если криптоденьги вытеснят из обращения привычные нам платёжные средства, имеющие кредитную природу, государство полностью потеряет такой инструмент влияния на экономику, как денежно-кредитная политика.

Роботизация производства, в свою очередь, кардинальным образом меняет роль человека в производственном процессе: искусственный интеллект вытесняет его из сферы непосредственного управления и контроля за действием машинных систем. Данное обстоятельство имеет чрезвычайно важные последствия как среднесрочного, так и долгосрочного плана. В обозримой перспективе речь идёт об исчезновении большого количества массовых профессий (от водителей автомобилей до хирургов) и опасности формирования на этой основе высокой структурной безработицы. В долгосрочном плане следует ожидать, что сферой применения способностей людей станут исключительно интеллектуальные и художественные виды деятельности.

Что касается классического производства благ и услуг, то функции людей будут во всё большей мере сводиться к определению имеющихся здесь возможностей, оценке издержек (прежде всего экологического плана), связанных с их реализацией, и формулированию на этой основе заданий для управляющего производством искусственного интеллекта. Если такая перспектива станет реальностью — а это возможно лишь при условии, что человечество не столкнётся по пути с глобальными катастрофами природного или социального плана, то неизбежной станет и трансформация всего общественного устройства.

* * *

Таким образом, построенная на принципах «чистой» науки экономическая теория способна обеспечить получение целостного знания об экономической системе, дающего представление о внутренних взаимосвязях и соподчинённости её элементов, а также о возможностях её эволюции. Основные выводы «чистой» теории должны соответствовать наблюдаемым на практике явлениям и процессам. В этом смысле можно сказать, что целью «чистой» экономической теории является создание своеобразного *макета хозяйственного устройства*, причём такого макета, который обладает способностью к изменениям, отражающим динамику самой экономической системы.

С этим выводом связано решение третьей из упоминавшихся выше задач, необходимое для формирования новой парадигмы экономической теории: переосмысление отношения экономической теории к хозяйственной практике.

Образ экономики, который предлагает «чистая» теория, как и любой макет, не может во всех деталях соответствовать своему объекту — конкретной экономической системе. Стремление получить на основе такой теории точную виртуальную копию реальной экономики обречено на провал по тем же причинам, по которым эта задача оказалась недостижимой для современной микроэкономики. Но если результатом «чистой» экономической теории является формирование «всего лишь» интеллектуального макета хозяйственной системы, то для принятия практических решений, нацеленных на оптимизацию функционирования конкретной экономики, нет альтернативы использованию упрощённых моделей, предоставляемых в распоряжение исследователей так называемыми реалистическими науками. Эти модели по чисто практическим соображениям должны оперировать лежащей на поверхности социально-экономической жизни агрегированной, а подчас и разнородной информацией. Используемый для таких исследований инструментарий — и в этом правы представители гетеродоксии — не может не иметь эклектичного характера. В его состав входят игровые микроэкономические модели, классические макроэкономические модели, эконометрические разработки, социологические обследования, конструкции поведенческой экономики, новой политической экономики и прочее.

Для поиска оптимальных решений, несомненно, необходимо принимать во внимание культурные и социально-психологические особенности общества, характер действующих в его рамках политических механизмов. В этом смысле абсолютно справедлива одна из важнейших идей гетеродоксии, которая сводится к тому, что успеш-

ные прикладные экономические исследования не могут проводиться без учёта неэкономических факторов. Рациональным представляется и тезис о необходимости применения тех макроэкономических теорий, которые в наибольшей степени соответствуют текущим особенностям изучаемого объекта, а следовательно, и о необходимости отказа от догматического следования выводам, полученным в иной ситуации. Наконец, заслуживает полной поддержки общая установка на перенос центра тяжести с исследования проблем экономического роста на анализ социально-экономического развития, проявляющегося в динамике не одного, а целой системы показателей [25].

Но вот что важно иметь в виду. Проводимые таким образом междисциплинарные исследования в принципе не могут претендовать на получение строгих и тем более поддающихся распространению на иные ситуации выводов. Реалистические науки – а к ним следует отнести и современную макроэкономику – дают возможность заглянуть в упоминавшуюся выше зону неопределённости, но в полной мере преодолеть её они не в состоянии. Причём эффективность конкретных социально-экономических исследований будет тем выше, чем в большей мере они будут отталкиваться от фундаментальных выводов общей «чистой» экономической теории. Последняя, таким образом, призвана не только удовлетворять любопытство исследователей в отношении общих принципов функционирования экономических систем, но и задавать логическую рамку, облегчающую выработку рациональных социально-экономических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arrow K.* Social Choice and Individual Values. Second edition. NY, London: John Wiley & Sons, Inc., 1963.
2. *Kreps D. A.* Course in Microeconomic Theory. Princeton University Press, New Jersey, 1990.
3. *Katzner D. W.* An Introduction to the Economic Theory of Market Behavior. Microeconomics from a Walrasian Perspective. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2006.
4. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРБ, 1999.
5. *Blaug M.* The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain. Cambridge University Press, 1992.
6. *Arrow K.* Samuelson Collected // Journal of Political Economy. 1967. V. 75. P. 730–737.
7. *Lucas R.* Some International Evidence on Output-Inflation Tradeoffs // The American Economic Review. 1973. V. 63. № 3. P. 326–334
8. *Ромер Д.* Высшая макроэкономика. Учебник / Пер с англ. под научной редакцией В.М. Полтеровича. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
9. *Galbraith K.* The End of Normal. NY, London: Simon & Schuster, 2014.
10. *Lucas R.* Macroeconomic Priorities // American Economic Review. V. 93. № 1. P. 1–14.
11. *Galbraith J. K.* Affluent Society. Boston – NY: Houghton Mifflin, 1958.
12. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
13. *Полтерович В.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
14. *Kolodko G. W.* Whither the World: The Political Economy of the Future. L.: Palgrave MacMillan, 2014.
15. *Varey D., Kahneman D.* Experiences Extended Across Time: Evaluation of Moments and Episodes // Journal of Behavioral Decision-Making. 1992. V. 5. P. 169–196.
16. *Kahneman D., Frederickson D. L., Schreiber C. A., Redelmeier D. A.* When More Pain is Preferred to Less: Adding a Better End // Psychological Review. 1993. № 4. P. 401–405.
17. *Sapir J.* Souveraineté, Démocratie, Laïcité. Paris.: Michalon Editeur, 2016.
18. *Полтерович В. М.* Становление общего социального анализа. // Общественные науки и современность. 2011, № 2. С. 101–111.
19. *Pigou A. C.* The Economics of Welfare. Fourth edition. London: MacMillan and Co., 1932.
20. *Маркс К.* Введение (из Экономических рукописей 1857–1858 годов)/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 12. С. 709–738.
21. *Маркс К.* Капитал. Т. 1./Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
22. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20.
23. *Некпелов А.* Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономист, 2006.
24. *Некпелов А.* Общая теория рыночной экономики. М.: Магистр, 2017.
25. *Nekipelov A.* Nowy pragmatyzm Grzegorza W. Kolodki – alternatywa czy uzupełnienie czystej teorii ekonomii? // Ekonomia Przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza Kolodko. Warszawa: Redakcja naukowa Maciej Baltowski, PWN SA, 2016.